

—Теперь мы каждый день гуляли вместе по апрельскому Ленинграду, вместе стали заниматься, рядом сидели в Горьковке. Сашенька собиралась на геофизику, т.е. думала распределяться на кафедру физики Земли после третьего курса, когда группы формировались заново - по кафедрам. Она, как и я, после школы хотела учиться на геолога, но по тем же возрастным причинам поступила на физфак. Моё же стремление в теоретики угасло ввиду окончательного осознания, что я слабо подготовлен для этого. Уж лучше быть первым на деревне, чем последним в городе, и геофизика снова стала привлекать меня тем более, что на эту кафедру шла и Сашенька.

—Она подала идею начать работать на кафедре, куда мы с ней и явились с предложением своих услуг как помощников в научной работе. Кафедра физики Земли располагалась на втором этаже бывшего ректорского флигеля на Университетской набережной. В этом небольшом двухэтажном здании, соединённом воротами с торцом главного корпуса ЛГУ (бывших двенадцати коллегий), выходившим на набережную, жил когда-то Блок. На первом этаже располагалась кафедра теоретической физики, с которой я-таки оказался рядом. Все остальные кафедры находились в дремучих недрах громадной неуклюжей коробки НИФИ (Научно-Исследовательского Физического Института), занимавшей всю середину университетского двора, где в БФА (Большой Физической Аудитории) мы слушали основные курсы по физике и математике.

—На кафедре нас направили к Леониду Борисовичу Гасаненко - геоэлектрику, который дал нам работу: строить графики на миллиметровке по каким-то измеренным данным, занесённым в таблицы. Гасаненко объяснил нам, что это такое и зачем нужно; что-то мы, может, даже и поняли, но творческое начало в нас всё же не проснулось, и особого удовольствия от работы мы не получали. А тут скоро и зачётная сессия подошла, за ней экзамены, и работу на кафедре мы забросили, но решили летом обязательно поехать в экспедицию от кафедры.

—Совместные занятия с Сашенькой помогли мне несколько подтянуться, и сессию я, хоть и без блеска, сдал, несмотря на семестровое разгильдяйство. Сдавали экзамены мы с Сашенькой в разные сроки, так как были в разных группах, но финишировали как по срокам, так и по баллам примерно одинаково. Что-то, - кажется, диамат, мы сдали даже досрочно в связи с планами поехать в экспедицию. Правда, у меня произошёл затор с зачётом по радиотехнике, которого не хватало для получения допуска к досрочной сдаче экзаменов. Этот зачёт я вымолил у преподавателя, обещая потом сдать по-честному, но обещания так и не выполнил, а ему боялся попасться на глаза. Совесть меня, правда, долго грызла потом. Помнится, даже перед защитой кандидатской диссертации, через семь лет у меня мелькало иногда в голове: а вот он сейчас меня узнает, встанет и скажет: "А ведь Вы мне зачёт по радиотехнике не сдали. Выпросили зачёт, а потом не явились. Некрасиво!" Что и говорить, - срам. Можно, конечно, оправдываться - после экспедиции я заболел, и надолго, а там уж не до радиотехники было, да что уж...

Идея поехать летом в экспедицию сначала носила весьма абстрактный характер. Но когда мы стали работать на кафедре, выяснилось, что нас могут взять коллекторами в кафедральную экспедицию по магнито-теллурическому зондированию Верхнего Поволжья. Были варианты и заманчивее - Мишка Крыжановский агитировал нас в дальние края, на Камчатку, где можно было хорошо подзаработать, но мы решили совместить экспедиционную романтику с попытками приобщения к будущей работе по специальности.

К отъезду я приобрёл резиновые сапоги, ватник и рюкзак. Всё это служило мне потом долгие годы, а ватник служит и сейчас - более двадцати лет спустя, хотя Сашуля и считает, что его давно пора выкинуть. Кроме нас с Сашенькой в экспедицию с нашего курса отправлялись: Володька Кошелевский, мой сосед по комнате, тоже

распределившийся на геофизику, Лариска Бахур - моя одноклассница из Песочной, распределившаяся на кафедру физики атмосферы, Дима Ивлиев, с которым я вместе учился в одной группе с первого курса, - очень симпатичный, худощавый, черноволосый юноша с правильным, резко очерченным лицом, очень вежливый, аккуратный, выделявшийся среди всех на занятиях по немецкому языку уверенным владением им. Дима тоже распределился на геофизику. Ещё трое ребят с нашего курса - радиофизики, были мне практически незнакомы: Кищук, Смирнов, а третьего и фамилию забыл.

— Отправлялись поездом Ленинград - Горький. В это время мама моя была в Ленинграде, она нас провожала и в дорогу наготовила пирожков жареных с мясом и повидлом, очень вкусных и много - на всех едоков хватило. В поезде к нам присоединились (билеты закупала кафедра) ещё двое ребят курсом младше нас: Игорь Коломиец и Виктор Герман, оба стриженные наголо, как, впрочем, и радиофизики. Игорь - добродушный, крепкий, красиво сложенный парень, Виктор - слегка пижон, с претензиями на остроумие. Когда мы с ним знакомились, он представлялся так: "Герман. Вам, конечно, очень приятно, не правда ли?"

— В Иванове к поезду подходила повидаться с Сашенькой её мама. Сашенькины родители жили теперь в Ивановской области, в Тейково, где после окончания Ленинградской академии тыла и транспорта служил её отец, военный-автомобилист, мама работала учительницей математики в школе.

— Поездом мы ехали до Вязников Горьковской области, где нас ждала экспедиционная машина - тёмнозелёный ЗИЛ-фургон военного образца, наполовину загруженный тюками с экспедиционным барахлом. Кое-как разместились в нём и мы, и потряслись куда-то по разбитым просёлкам в облаках пыли, проникавшей в фургон из всех щелей.

Экспедиция верхом на ЗИЛе

— Восстановить точный маршрут экспедиции теперь, по памяти, я уже не смогу: уж больно он был зигзагообразным. Экспедиция проводила магнито-теллурическое зондирование земной коры (чуть позже я расскажу, в чём оно состояло) прилегающих к Волге районов Ивановской, Костромской и Ярославской областей - от Горьковского до

Рыбинского водохранилища. От Тезы, притока Клязьмы, мы двигались, меняя точки базирования, сначала на север, к Волге, а затем вдоль неё и несколько раз её пересекая с берега на берег - на запад к Рыбинску через Мстёру, Холуй, Палех, Шую, Иваново, Фурманов, Красное на Волге, Плёс на Волге, Кострому, Сусанино, Ярославль.

Внутри фургона на поклаже я, Сашенька, Кошелевский, Димуля, Лариска

Для надёжной работы высокочувствительной аппаратуры (гальванометров и кварцевых магнитометров) места рабочих стоянок выбирались в глуши, вдали от возможных источников промышленных помех, каким мог быть любой электромотор. Поэтому большая часть маршрута шла по дорогам, которые не только на карте, но и на местности-то плохо просматривались. Впрочем, и нанесенные на карты дороги в большинстве своём таковыми можно было считать лишь условно и только в сухую погоду.

Приехали

— Останавливались мы обычно на берегах небольших речушек с симпатичными названиями - Теза, Меза, Шача, километрах в трёх от какой-нибудь деревни, чтобы рядом была вода для питья, мытья, проявки и промывания фотобумажных регистрационных лент, и молоко - для комфорта.

На Мезе

— Места, конечно, красивейшие. Недаром, видимо, в этих краях процветала сначала иконопись, потом лаковая миниатюра - в Палехе, Мстёре, Холуе, а что уж говорить про Плёт, где работал Левитан, и куда мы специально заезжали, чтобы полюбоваться

красотами с высокого берега Волги. Природа типично среднерусская, ландшафт разнообразный, деревни, хоть и грязные вблизи, издали смотрятся весело, особенно, если есть церковь, белеющая среди голубизны и зелени.

Холуй

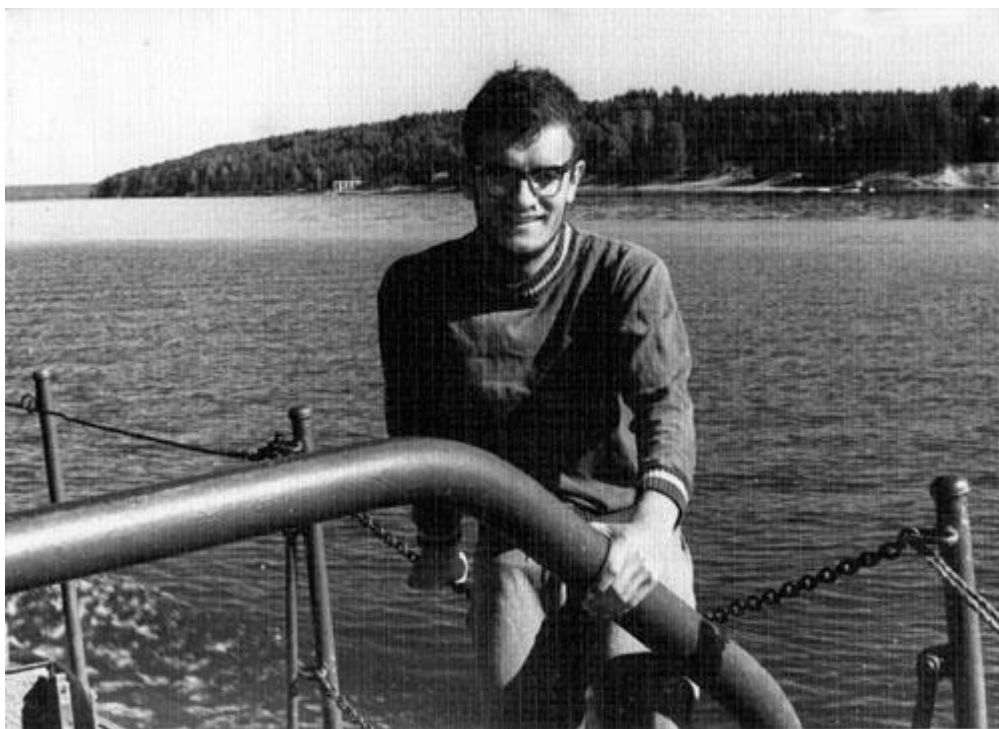
Плѣс на Волге

Берёзовая аллея в Плесе на Волге

Лариса, Димуля, Кошелевский, Сашенька и водитель в Плесе на Волге

Плыву на катере по Волге

Кошелевский, водитель, Коломиец, Лариса, Сашенька, Димуля и Герман на пристани
напротив Плёса на Волге

Купаемся в Волге напротив Плёса

А первая встреча с Волгой, которую предстояло пересечь на пароме у Красного, - подъехали к ней вечером, на закате солнца, после утомительной тряски по ухабам бездорожья среди тюков и раскладушек в фургоне с двумя небольшими окошками, закрытыми от пыли, вылезли - и вот оно, раздолье!

Волга у Красного

[\(продолжение следует\)](#)